

Александр Топчий

Функция заката

Избранные стихи разных лет

Санкт-Петербург
2013

УДК 821.161.1-1(081)Топчий А.

ББК 84(2=411.2)6-5я44

Т58

Топчий, Александр

Функция заката : стихи / Александр

Топчий. -СПб.: б.и.,2013. - с.146

Несколько слов от автора.

В этот сборник вошла небольшая часть стихотворений, написанных мной в 2001-2013 годах.

Я не стал делить книжку на главы, разделы и тому подобное: всё-таки деление лирики на «любовную», «пейзажную», «гражданскую» и т.д. зачастую весьма и весьма условно. Главное – были бы стихи хорошие 😊

Всем читателям – добра и света!

2001-2013

Картина мира

Картина мира такова:

Вот есть поэт, и есть слова;
И лепит он из этих слов
Надежду, веру и любовь,
Моря, пустыни, кручи гор,
И дождь, и снег, и дол, и бор,
Луну и звёзды, грязь и прах,
Ползучих гадов, певчих птах,
Людей, слонов, и мошкару,
И разных прочих кенгуру,
И мрак, и свет, и звук, и цвет...

И – сотворяет мир поэт.

...Вот мир из слов уже готов.

Стоит на спинах трёх китов,

Известных вам наверняка:

О них – четвёртая строка.

...Где-то там остались автострады...

...Где-то там остались автострады,
Городские шум и кутерьма...
То ли в тишине звенят цикады,
То ли – тишина звенит сама?..

Пацаном наивно-восхищённым,
Всё забыв, смотрю на Млечный путь...
Отдохни, душа, – когда ещё нам
Доведётся так же отдохнуть?..

Хорошо. Покойно и не больно, –
Словно и не гнула жизнь в дугу!..

...Завтра снова белкой подневольной
В колесе привычном побегу...

Ночь идёт на тихих мягких лапах,
Чуть прищуря жёлтый лунный глаз.
Тишина. Черёмуховый запах...

Дай-то Бог, чтоб не в последний раз.

Не пишется

Писать стихи – не можется.
Читать стихи – не хочется...
Луна мне корчит рожицы –
Подружка-полуночица;
Дразнись,
хихикай в облачке, –
Ишь, мордочка хитрющая!

...Сейчас бы нам по стопочке...
Да жаль, Луна – непьющая.

Гуляем с нею важно мы
Проулками притихшими:
Я – по асфальту влажному,
Она – плывёт над крышами;
И нам вдвоём – не тягостно.
Глубинка...
Ночь...
Идиллия!
Ну, смог бы так же благостно
Бродить по Пикадилли я?

Скрежещуще-железными
Бродвеями блудливыми,
Тверскими распомпезными?

...Эх, сторона родимая,
Глубинушка российская, –
Негромкая,
любимая,
Навеки сердцу близкая!
Что ж о стихах тревожиться
Нервной трясогузкою?
Стихи – придут.
И сложатся
В простую песню русскую.

Мой домовой

Август. Ночь. Опять не спится.
Ах, луна! – хоть волком вой!
Скрипнет в доме половица –
Верно, бродит домовой.

Он у нас – ночная пташка,
Как ему и надлежит.
Шебуршит, вздыхает тяжело –
Тоже мается, бедняжка...
Я не сплю –
И он не спит.

Неприкаянный, тревожный
Мне достался домовик.
Но в соседстве жить с ним можно:
Я привык –
И он привык.

Домовой стихов не пишет
(Выше этой чепухи!) –
Но сидит неслышной мыши,

Если я пишу стихи.
Напишу – и вслух читаю:
Оцени-ка, мол, талант!
...Посопит, и повздыхает,
И молчком уйдёт в чулан...

А под утро, словно кошка,
Подкрадётся в тишине, –
И шершавая ладошка
Вдруг лицо погладит мне.

Утихает тёплый ветер...

Утихает тёплый ветер.
Наступает тёплый вечер.
Повисает над заречьем
Тонкий серпик золотой.
И в рождающемся мраке
Алой искрой в чёрном фраке
На реке мерцает бакен,
Притворившийся звездой.

Долгий день пришёл к развязке.
Вечер скрадывает краски.
Вечер сказывает сказки,
Вея русской стариной...
То ли пёс прозвякнул цепью?
То ли тройка скачет степью?
То ли скрипнул старой крепью
Штрек столетний подо мной?..

Синий вечер, тёплый вечер
Звёзд икру на небо мечет.
Мотыльковых стаяк вече

Собирают фонари.
Всё привычно, право слово...
Только снова, снова, снова,
Вечным чудом очарован,
Промечтаю до зари.

И всплывает, всё пронзая,
Нежность к дремлющему краю...
Сторона моя родная,
Я – твой сын, от плоти плоть!
Я – полей твоих былинка,
Я – дорог твоих пылинка...

Дремлет русская глубинка.
Ты храни её, Господь.

Скучать погода не даёт...

Скучать погода не даёт:
То листопад, то гололёд,
То африканская жара,
То дождь с утра и до утра...

Нам – всё не так. Всё невпопад.
Чуть что – так климат виноват.
И недовольно мы ворчим
То на циклон, то на Гольфстрим...

И кто, признайтесь, кто из нас
Не пожелал – хотя бы раз –
Уехать в дальний дивный край, –
Где благодать, где тёплый рай?!

Мой друг – уехал...
Третий год
Он мне оттуда письма шлёт:
Мол, всё отлично, всё путём –
Работа, деньги, «тачка», дом;
Что до погоды – вечный май;

Короче, благодатный край!

...А по ночам – терзают сны...

Ручьи ликующей весны,
Звон воробьиных голосов,
Багрец и золото лесов, –
И белый снег...

И синий лёд...

Тоска на части душу рвёт!

И – как ты память ни стирай –

Не пересилишь ностальгии...

Быть может, русскому и рай

Не в радость будет

без России...

Названия нет

...Идти запылённым проулком,
Похожим на старый фагот,
И слушать, как долго и гулко
Над городом колокол бьёт;
У церкви Бориса и Глеба
С ладони кормить голубей,
Смотреть на высокое небо,
Что детской мечты голубей;
И чувствовать горнее что-то,
Чему и названия нет, –
Как предощущенье полёта
Из мрака и грязи
на свет.

В аллее парка сумрачно и сыро...

В аллее парка сумрачно и сыро:
и дождь прошёл,
и ветер – от реки...
Угрюмый бомж с ухватками кассира
считает на картонке медяки.
Он их пропьёт.
Купил бы хлеба, сыра...
но он пропьёт.
И, может, будет прав.

В аллее парка сумрачно и сыро.
Я прохожу, бомжу монетку дав.
Не жду ни благодарности, ни мата,
не вслушиваюсь в сиплые слова...

В аллее парка детством пахнет мята,
и воробьи галдят, как пацанва...

...Зачем я здесь? –
ничейный и небритый,
палач и жертва собственной любви?..

Летит над парком голос Маргариты:
«Невидима!
Невидима!
Неви...»
Усевшись на скамейку
(ждать Мессира?),
Курю уже четвёртую подряд...

В аллее парка сумрачно и сыро.

И рукописи в памяти горят.

Между землёй и небом
(Последняя рифма)

Сверху – луна и звёзды,
а снизу – крыши.
Жаль, мегаполис не может
хранить молчанье...
Тенью от облачка,
шорохом тихой мыши
Между землёй и небом скольжу ночами.

Между землёй и небом...
куда – не знаю.
Просто летаю,
летаю – пока летится...
И никогда уже не найти Данаю,
Чтоб –
нам двоим на счастье –
дождём пролиться...

Между землёй и небом,
душой и телом,
Между «вчера» и «завтра»,

«хочу» и «должен»...

Тенью от облачка, шорохом...

...Кто там, в белом,

Тихо вверху смеётся?

Не ты же,

... ?

Да нет, всё нормально...

...Да нет,
всё нормально.
Не ною,
что, дескать, «не понят»,
Что, дескать,
«на странности право имеет поэт»...
Конечно же, глупо
ночами сидеть на балконе,
Куриль на луну
и подмигивать звёздам в ответ.

Вы правы. И глупо,
и даже немножко постыдно:
Ведь время – впустую,
а жизнь – без того коротка...
Всё верно, ребята.
Всё правильно.
Всё очевидно.
Но... волк смотрит в лес.
Как его ни корми,
дурака.

Далеко-далеко...

Далеко-далеко
Есть, наверное, край,
Где живётся легко, –
Хоть и не умирай!
Где никто не предаст, –
Потому что – грешно,
Где ни рангов, ни каст, –
Потому что – смешно;
Где не знает народ
О каких-то «врагах»,
Где никто не пройдёт
По душе в сапогах...

...Убежать бы туда!
Хоть ползком уползти!

...Да, видать, никогда
Не узнаю пути.

Из круга фонарного света...

Из круга фонарного света
Уйду, окунаясь во тьму.
Ещё продолжается лето, –
Но мало осталось ему.

Рыжеют каштаны до срока –
Им осени поступь слышна...
Висит в небесах одиноко
Очищенной репкой Луна.

Стираются зыбкие грани
На стыках реалий и снов;
И шорох листвы на каштане –
Понятней и значимей слов.

А если прислушаться, можно
Услышать – когда повезёт –
Звучащий легко и тревожно
Оставшейся жизни отсчёт.

Звезда

Уходят корабли.

Уходят поезда.

И старые друзья уходят понемногу...

А над Землёй горит

полночная звезда,

Как сто веков назад, –

торжественно и строго.

Ни зло и ни добро не ведомы звезде, –

Но, глядя на неё, мечтаю я о чуде...

И жизнь моя пройдёт

кругами по воде, –

А этот синий свет –

он будет,

будет,

будет...

Свет мой...

Свет мой синий,
Первозданный,
Из небесной глубины!
Сквозь метели,
сквозь туманы
Мне лучи твои видны.
Зарубцуй на сердце раны,
Неподвластные врачам, –
Свет мой синий,
Свет желанный,
Свет, поющий по ночам!..

Негасимый,
Одинокий,
Озаряющий мой путь, –
Дай мне силы,
чтобы в строки
Жизни капельку вдохнуть!
Чтоб не просто рифмовались
«Кровь – любовь»,
«дрова – трава», –

Чтоб рыдали
и смеялись
В строчках русские слова!

Свет мой синий,
Свет мой дальний,
Безымянная звезда...
Разувериться не дай мне
В жизни этой
никогда!

И – пошли моей России
Вот таких же ясных лет,
Как и сам ты –
Тихий,
Синий,
Несказанно чистый свет.

Рудники

Как могу, тащу,
волочу
Злые цепи дней да ночей...
Не пищу. Молчу. Не хочу
Развлекать ничем палачей.

И совсем не чувствую страх.
В самом деле,
не для словца:
Всё равно живу
лишь в стихах, —
Ну, а чем пугнёшь мертвеца...

Говорили мне: «Пропадёшь!..»
Насулили боль да тоску...

...Свет мой синий!
Что ж ты так жжёшь!..

Ну прости хоть ты
дураку...

Маковое поле

...Как под гипнозом, против воли
В стихи – что в маковое поле! –
Легко, блаженно рухнуть навзничь,
И улететь,
И утонуть;
И слов привычных сопряженье
Принять, как – свыше откровенье,
Рассветный луч, и сказку на ночь,
И крик трубы, зовущей в путь.

Скитаться тенью в Эльсиноре,
Считать своим – чужое горе,
Любовь, тоску, судьбу чужую,
Собранья нимбов и грехов...

Какая тяжкая забава,
Какая сладкая отравка!..

Но смерти нет, пока лежу я
Во поле маковом стихов.

В судьбе барахтаюсь,
упрямец и профан, –
И не даёт мне жить
 «как все», «обыкновенно»,
Свистит на дудочке своей
 самозабвенно
Бессмертный фавн.

Никого стихи не учат...

Никого стихи не учат.
Никого стихи не лечат.
Никому от них не лучше.
Никому от них не легче.

Хоть чекань их на металле –
Статус-кво пребудет в силе:
За минуту – прочитали,
За секунду – позабыли...

Эх, эпоха скоморохов
И попсы пустоголовой!
Нам с тобою нынче плохо,
Поэтическое Слово:
Никого мы не научим,
Никого мы не излечим;
Никому от нас не лучше,
Никому от нас не легче...

И нетрудно догадаться:
В человечесьих душах дело!

Душегубством, святотатством
Вся Россия просмердела.
Рубль стал святей иконы,
А паяц – нужней, чем Пушкин...
Как умело, изощрённо
Растлевают наши души!
Нам трясиной вместо брода –
От Москвы и до окраин –
Быть свиньёй дана свобода...

Разве ты не рад ей,
Каин?..

Душа грустит о небесах...

«Душа грустит о небесах»

С. А. Есенин

Душа грустит о небесах...
И этой грусти нет предела.
Где б ни был я
и что б ни делал –
Душа грустит о небесах.

О всеобъемлющей любви –
Той, от Христа,
а не от Фрейда, –
И зов небес поёт, как флейта,
Душе усталой
о любви.

И в этих вышних голосах
Я слышу,
слышу и приемлю:
– Душа должна любить всю землю
И тосковать о небесах.

Искушение

«...Нет, ты подумай!

Ты раскинь умишком!

Вот пишут: всё, мол – прах,

и тлен,

и хлам...

Так, значит, – проще надо,

вот в чём фишка!

Без этих ваших комплексов, братишка,

Жить для себя,

не напрягаться слишком,

Грести к себе, идти по головам!

Какие, блин, стишки да акварели?

Какие, блин, «терзания души»?

Наплюй на эти бредни, в самом деле, –

Житуха будет слаще карамели!»

...Какое счастье, что не все сумели

В себе вот так же Бога задушить.

Чем букеты из чертополоха.
Неприкаянный сын невезучей страны –
Я с Отчиной до смертного вздоха.

Только эта любовь неизменно важна, –
Не медальки, чины или ранги...
Ничего, что за левым плечом – сатана:
Ведь за правым –
конечно же,
ангел.

Цитатное

Грустно, ребята,
 что мы никому не нужны.
Разве что сами себе,
да немногим любимым...
Щедро овеяны
 горьким Отечества дымом,

Так и живём, под собою не чуя страны.

Если умом не понять,
 что ж – не нужно ума?
Нас не измерить
 неведомым общим аршином,
Но и не вычислить,
сколько дешёвой лапши нам
Вешают на уши Белые наши дома.

Воры и шлюхи
 с экранов нас учат любви.
Белой вороной слывёт
 не утративший совесть.

Это печальней,
 чем Вильяма нашего повесть,
И, к сожаленью, банальней,
чем рифма «в крови».

Хочется жить, чёрт возьми,
а не существовать!
Слышать – умеющих петь,
а не зваться певцами!
А умирать – раз придётся –
так чтоб не «с концами»:
Чтоб,
ну хоть изредка,
в строчках стихов оживать...

Иваново, Калуга, Саратов, Тула, Тверь...

«Мы едем, едем, едем

В далёкие края...»

Когда-то популярная детская песенка.

Мы едем, едем, едем

В далёкие края:

Андрей, Володька, Федя

И вместе с ними я.

Не то, чтоб нам охота

Скитаться в далеке, –

А просто нет работы

В родимом городке.

Не козни «Коза ностры» –

Политика, увы...

Как чеховские сёстры,

Мы – пленники Москвы.

Нам гор златых не надо –

Хватало б на харчи...

«А есть ли жизнь за МКАДом?» –
Гадают москвичи.

Иваново, Калуга,
Саратов, Тула, Тверь...
Видать, вам дома туго,
Раз вы в Москве теперь.

Я – русский гастарбайтер.
Нас – множество. Нас – рать!
Хоть смейтесь, хоть рыдайте, –
Кремлю на нас – ... начхать.

Я – гастарбайтер, братцы,
В родной своей стране!

...И за страну, признаться,
Чертовски стыдно мне.

Маленький город

Маленький город...

Сейчас ему нечем гордиться.

Шахты его не нужны оказались России.

Каждый второй

подвизается ныне в столице:

Сторож, консьержка,

охранник, агент, продавщица...

Город не умер ещё,

но уже обессилел.

Пять поколений шахтёрских

когда-то взрастивший,

В годы войны устоявший,

врага не впустивший,

Он истекает людьми,

будто раненый – кровью.

Маленький, славный мой город,

почти уже бывший...

...Мелом на мёртвой стене:

«Из России с любовью»...

Закатали мой мир
 в пепси-кольную банку,
Зашвырнули мой мир
 под колёса машины,
Указали шесток, обозначили планку,
Наказали забыть родники да вершины.

Разменяли мой мир
 на жратву и кривлянье,
Заплевали мой мир, продавая святыни.
Прилепили Джоконде улыбку пираньи.
Поучали, что духом возвышены свиньи.

Расстреляли мой мир
 по чечням и белградом,
Растерзали мой мир
 на кровавые клочья!
Улыбаются: «Что ты?
Не бойся, – мы рядом!
Ну давай, не дури:
Будь, как все тамагочи».

Городской сумасшедший

Городской сумасшедший,
бормочущий быстро, невнятно
На каком-то своём,
не доступном другим, языке...
Мне – как всем –
даже просто смотреть на него –
неприятно;
Так зачем я шагнул
и к его прикоснулся руке?

И пустые глаза
встрепенулись безумно-тревожно!
Но уже через миг улыбаясь,
как будто узнав,
Он с ладони моей
карамельку забрал осторожно,
Пузырящимся ртом
непонятное что-то сказав.

...Городской сумасшедший,
пожизненный гадкий утёнок,

Обречённый на плен
в одиноком

и жалком мирке...

Никогда не забуду:
мычащий, как будто спросонок,
Тридцатипятилетний
обиженный Богом ребёнок
Неуклюже и страшно
танцует
с конфеткой в руке.

Вы говорите...

Вы говорите: «Образуются!
Причин отчаиваться нет!»

...Вот по ночным угрюмым улицам
Бредёт, ссутулившись, поэт.

Он трезв. Устал. Ему не пишется.
Он тих и сумрачен, как тать.
И что «не пишется»? –
не дышится...
Ему не хочется дышать.

Он болен – странной, беспрестанною,
Всё разъедающей тоской.
С годами стал небесной манною
Ему мерещиться покой.

Но, как и было ей обещано
(Пусть он не знает – что с того?),
Уже не плачущая женщина,
За сотни километров женщина

Всё молит Бога за него.

...А он, когда рассвет раскинется,
Вернётся –
дивный сон смотреть:
О том, как в маленькой гостинице,
Вдали от близких,
умереть.

Стразы

Всё не так, как видится.
Всё не так, как хочется.
Боль – моя провидица
И моя пророчица.
Что считал алмазами,
Что лелеял Плюшкиным,
Оказалось – стразами,
Просто побрякушками.

Возит мордой весело
Жизнь меня по гравию!
...Ноют крылья вечером...
Знать, срслись неправильно.
Продан нимб задёшево,
И хрипит провидица:
«Ничего хорошего
Нет и не предвидится».

...«Две «ноль пять» принёс.
Пойдёт на двоих?»
«Ты же бросил...»
«Ничего. Наливай...»
А в глазах его –
точь-в точь, как в моих –
Застарелая тоска через край.

.....

...А потом
 когда-то
 кончится дождь.
А потом
 когда-то
 станет светлей.
«Брат, – пойду...»
«Да посиди.»
«Нет, хорош...»
«Ладно, брат. На посошок-то налей!..»

И в осенней ненавистной грязи,
Возвращаясь в опостылевший дом,

Буду глупо, неуклюже скользить,
Но держаться гордо (правда, с трудом).

И на продранном диване усну,
И увижу наконец –
хоть во сне! –
Что не воют,
а поют на луну
Люди в Богом обогретой стране.

Не знаю

Ещё не зима, но уже и не осень.
Коктейль из дождя и снежинок несносен;
Погодка – не выйдет гулять и собака!
Сидеть бы в квартире.

Листать Пастернака.

Лениво читать городскую газетку,
Проведать соседа
(а лучше – соседку),
Дружку позвонить – поболтать о футболе,
Включить телевизор –
пускай балаболит,
И чином да ладом
пить чай с шоколадом...
Тепло и покойно. Чего ещё надо?!

Зачем же, прикрыв от дождя сигарету,
Шагаю навстречу промозглому ветру, –
Ищу ли себя?
От себя ль убегаю?
И сам я не знаю,
И сам я не знаю...

Синицу сменял на журавлика в небе –
На глупый мираж,
на красивую небыль.
Не то благодарен,
Не то проклиная...
И сам я не знаю,
И сам я не знаю.

И ноги промокли. И сердце озябло, –
Да что там... Как скажут поляки:
«До дзябла».
Курю. Опустевшую пачку сминаю.
Уйти?
Возвратиться?
Не знаю.
Не знаю...

Почти

...Подниму воротник
(«Так красивше!»)
и в ночь уйду
(Потому что в стихах
непрерывно уходят –
в ночь);
И ворона заученно
вслед закричит беду...
Зря стараешься!
Но,
раз так принято –
что ж, пророчь.

Надо мной, подо мной –
свежевыпавший нежный снег;
В чёрном небе звезда –
словно вены вселенской пульс.
Я почти ощущаю
планеты незримый бег;
Я почти представляю,
как Бог нажимает «Пуск»!

Кто сказал, что перпетуум мобиле –
полный бред?

Миллионы столетий
летит и летит Земля!

И, летя вместе с ней
через бездны пространств и лет,

Я почти понимаю,

зачем

существую я.

Под пледом у камина...

Если был бы у меня
плед –
Я накрылся бы им до
глаз;
От камина бы – тепло,
свет...
Как там нынче говорят? –
«класс»!

Жаль, что пледа у меня
нет;
А в «хрущёвке» – и камин?
Бред!..
Не беда (не знал я, что ль,
бед?) –
Только хочется: камин,
плед...

Видно, к старости дела,
брат?
На висках – прошедших лет

след...

Эх, любил я раньше дождь,

град!

А теперь хочу – камин,

плед...

Почему-то в последнее время...

Почему-то в последнее время
всё снится и снится
Одинаковый сон,
не похожий на прежние сны:
Прилетает ко мне
бело-синяя странная птица,
В изголовье садится,
ничем не вспугнув тишины –
И пронзительно смотрит в глаза
немигающим взглядом,
И молчит изваяньем
(какое уж там «Nevermore»)...
Исчезает к рассвету...
А кто она, что же ей надо,
И к чему этот сон –
я понять не могу до сих пор.

Толкователям снов,
знатокам старины и традиций
Разъяснить, полагаю,
виденье моё по плечу,

Но – прошу вас: молчите!
Я чары загадочной птицы,
Препарируя тайну её,
разрушать не хочу.

Просто...

Просто осень. Всего лишь осень.
Просто тёплых ночей излёт.
Просто рыжим бродягой-лосем
Через чащи сентябрь идёт.

Просто в окна синеет вечер,
Или дождь отбивает такт;
Просто годы вцепились в плечи,
Как набитый свинцом рюкзак.

Просто время смотреть на звёзды,
Пересчитывать, как цыплят;
Просто мир так зачем-то создан,
Что ни дня не вернуть назад.

Просто стали длиннее ночи,
Просто ветра гудит гобой;
Просто грустно, что жизнь короче,
Чем хотелось бы нам с тобой.

Просто кто-то плеснул печали

В запахах трав и твоих волос...
Просто в юности – так мечтали!..
Просто к старости – не сбылось...

То ли в памяти где-то...

Вновь мне слышится это:
Вновь кричат журавли, –
То ли в памяти где-то,
То ли где-то вдали;
А в берёзовой роще
Золотые персты
Осень тихо полощет
В молоке бересты...

То ли в памяти где-то,
То ли выдумал сам:
Алый отблеск рассвета
Льнул к твоим волосам;
И неслышно, нестрашно
В чистый розовый час
Юность горькая наша
Улетала от нас...

По берёзовой роще,
По траве и листве
Я иду, как на ощупь, –

Лишь стихи в голове...
То ли в памяти где-то,
То ли в кронах берёз
Осень шепчет ответы,
Не расслышав вопрос.

Я не помню, не знаю,
Я теряю слова...
Будто дождь на Данаю,
Ниспадает листва.
То ли в памяти где-то,
То ли в сердце моём –
Васильковое лето,
Голубой окоём.

Жёлтый лист

...Снова стылые рассветы,
Снова иней на траве...
Промелькнуло бабье лето
Быстрой птицей в синеве.
Промелькнуло – и пропало,
Поспешив сойти на нет...
Лист кленовый пятипалый
Обречённо машет вслед:
Чует гибельные ветры,
Слышит их мертвящий свист...

Где ты, лето?..
Юность, где ты?...

Кто я,
что я? –

жёлтый лист...

Блажь

...Не то январь,
не то среда;
Не то фонарь,
не то звезда;
Из ниоткуда в никуда
Летят шальные поезда, –
И, может, там, куда они,
Все будни праздникам сродни,
Добрее люди, ярче дни, –
А мы с тобой стоим одни...

...Всё – сказки!
Выдумки!!
Мираж!!!
Вернёмся в дом уютный наш.
Вот он, подъезд,
вот он, этаж...

...Ну,
что ты плачешь,
что за блажь...

Элегия tutti quanti

Стал хмур и строг небесный храм.
Длиннее ночи, дни короче.
Бродяжит осень по дворам,
Смеётся, плачет и пророчит.

И выцветает синева,
И воцаряется багрянец,
И, торопясь, пока жива,
Прощально шепчется листва;
И беззаботные слова
Теряют лоск, теряют глянец –
Но обретают плоть и вес,
И бьются в горле,
венах,
пальцах! –

И боль.
И даль.
И зов небес.
И ясен путь,
и жалок бес;

Но дышит в спину мой дантес, –
Безжалостней неандертальца...

...А осень бродит вдоль дорог,
Простоволосая, босая,
На ветер золото бросая,
Не запасая грана впрок;
И журавлиная печаль
Пыльцой спадает с поднебесья,
И жизнь теряет равновесье –
Опять, again и noch einmal...

И скоро, скоро ляжет снег
На обмирающие пашни,
И кану, кану я вчерашний,
Как летописный печенег, –

Но ал восток,
и парус ал,
И чёрствый хлеб как будто сладок,
И есть отгадки у загадок,
И подле плахи – пьедестал.

Снова навалились холода...

Снова навалились холода:
Термометр застыл на сорока...
Маленькая синяя звезда
Кутается тщетно в облака.

Я б хотел согреть её в руках –
Но такого смертным не дано,
И опять остаться в дураках
Мне с благим порывом суждено...

Хмыкнет умник: «Что тебе до звёзд?
Ты себя, любимого, жалеи!
До последней косточки промёрз –
А о звёздах плачешь, дуралей!»

Я не буду спорить – смысла нет.
Прагматизм в чести у нас везде.
Но – на то и надобен поэт,
Чтоб
за всех
поплакать о звезде.

Будет весна!

...Ляжет однажды по снегу
ручья борозда.

Сердце взбрыкнёт –
и полюбит весь мир, не вникая;
И антрацитовый грач
подмигнёт из гнезда:
«Жизнь продолжается!
Глянь-ка – грачиха какая!»

И журавли прилетят
в мой разбуженный двор,
Будут смешно за осенний побег
извиняться...

Здравствуйте, милые!
Бросьте, о чём разговор?!
Прошрое – в прошлом, –
а жизнь продолжается, братцы!

Жизнь продолжается!
Прыгать по лужам и петь,
В небо смеяться,

стихи сочинять, где попало!

Будет весна –

и сегодня,

и завтра,

и впредь;

Будет весна –

если сердце любить не устало.

Март. Просто зарисовка.

Снег, обложивший нас, как НАТО,
Уже вовсю «играет в ящик»;
Смеются, пляшут бесенята
В глазах у женщин проходящих!
Забыв про пузо и одышку,
Солидный дядя кабинетный
Пускает в луже, как мальчишка,
Фрегат из пачки сигаретной.
За стенкой, выйдя из запоя,
Сосед безумствует с гитарой!..

...И, знаешь,
я сегодня понял,
Что,
чёрт возьми,
ещё не старый.

С вершины семнадцатилетья...

«...Забавно смотреть на любовь пожилых
С вершины семнадцатилетья!
Давно ведь, наверно, сто лет на двоих –
А всё, понимаешь, как эти...
Сидели бы дома, растили внучат,
Свои сериалы смотрели!
Какая там, нафиг, «любоф»
в пятьдесят?
Душа еле держится в теле!..
Нашёлся Ромео – плешь больше башки!
Джюльетта – ...ну, впрочем, не надо...

Ты глянь-ка:

воркуют! Читают стишки!

...А нежность какая во взглядах...

И нету им дела до шуточек злых
Ехидного акселерата...

...Завидно глядеть на любовь пожилых.
Я буду таким же когда-то».

Улыбаюсь

Дождливый день.
Точнее, семь утра.
И нет бы мне, «сове», поспать в охоту, –
Я, улыбаясь, еду на работу,
Казавшуюся каторгой вчера.
Там, как всегда, обыденный бардак:
«Планёрки»,
 мат,
 поломки,
 нестыковки...

А я хожу в потрёпанной ветровке
И тихо улыбаюсь, как дурак,
В забытом эйфорическом хмелю,
Седой пацан с «раскатанной губою», –
И счастлив тем, что я любим тобою.
И счастлив тем, что я тебя люблю.

Поздняя колыбельная

В окна скребутся
ужасные страсти-мордасти,
Скорби с печальями,
однообразно грустны...

Спи, моя светлая радость,
недолгое счастье;
Тихие,
тихие,
чистые,
лёгкие сны...

Белыми свечками
в сумерках светят каштаны,
Чайки летают
над синей прозрачной водой;
Снег,
и цветы,
и стихи, и дворцы, и фонтаны...
И – если хочешь –
приснюсь даже я молодой.

Спи, моя радость.
Играют зелёные звёзды
Музыку сфер,
что влюблённым поэтам слышна.
Поздно мы встретились, правда?
Но – лучше уж поздно...

Спи, моё счастье.
Покойного доброго сна.

Отрешась от житейской прозы...

...Отрешась от житейской прозы,
От обыденной шелухи,
Наблюдать облака и звёзды,
Сочинять и читать стихи;
Колесить по ночным дорогам,
Где-то в поле встречать рассвет,
Говорить потихоньку с Богом
И надеяться на ответ –

Редкий праздник душе!..

Но всё же
(Пусть ханжи и глупцы корят)
Даже этого мне дороже
Твой счастливый, влюблённый взгляд.

Вот и дождь...

...Вот и дождь.

Ну, а как же:

раз осень – то быть дождю!

Тучи низко нависли –

как будто грозят свалиться.

Долбят капли

по лысине памятника вождю

Так упорно –

что просто на зависть

любым сванидзам.

Здравствуй, дождь.

Подпою твой тоскливый осенний блюз.

Только, знаешь, со мной...

...в общем, брат, извини за кашель...

Водосточные трубы

подобьём бильярдных луз

Ловят струи воды

и мелодию песни нашей.

По траве, по листве,

по мембранам зонтов и крыш
Скачут капли

и ноты нечаянного дуэта...

Ты сейчас далеко –
но услышь, я молю – услышь!

Осень – вовсе не смерть,
кто сказал тебе глупость эту...

По течению

По течению плыву,
По течению.

Волны лодку подгоняют в корму.
И, к большому моему огорчению,
Нету дела до меня никому.

С берегов никто не машет приветственно,
Не зовёт: «Эй, друг!

Сворачивай к нам!»

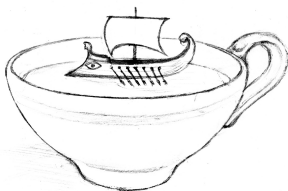
Ну, и я себя веду соответственно –
И не очень-то стремлюсь к берегам.

Миновал я перекаты и отмели,
Даже – пусть и небольшой – водопад,
И лихие люди лодку не отняли, –
И живу,
И всё плыву на закат.

Все мы, дети человеческого племени,
От рождения ведём челноки
По течению –

по жизни,
по времени,
От истока до исхода реки.

По течению плывём,
По течению –
Лодкой, яликом, ковчегом, плотом...
И у всех – единый путь назначения.
Что за ним?..
Потом узнаем.
Потом.

Ночь над Доном

Журавли плывут над Русью,
С неизбывной светлой грустью
Наши души на закате окликают...
День утонет в тихом Доне,
Упадёт звезда в ладони,
И в ночи промчится птица колдовская.

Лунный свет на синих травах,
Зачарованных дубравах,
И ни времени, ни звука, ни движенья;
Лишь неслышно, полусонно
Чуть колышут волны Дона
Опрокинутых созвездий отраженья.

И языческие боги,
Ликом сумрачны и строги,
На курганах, на полянах оживают...
Ночь над Доном дышит мятой,
Древней тайной страшноватой,
И по звёздам тихий ангел проплывает.

По-над Окой, над спящим плёсом...

По-над Окой, над спящим плёсом,
Едва касаясь тёмных вод,
Косматым призраком белёсым
Туман пугающе плывёт.

И наблюдаю от воды я,
Как в темноте и в тишине
Он тянет щупальца седые –
Живые, жадные – ко мне.

Страшней, чем эта пантомима,
Едва ли сыщешь на земле:
Так жутко, так неотвратимо
Движенье мерное во мгле!..

...Но, видя робкий свет с востока,
Вдруг понимаю я с тоской,
Как нестерпимо одиноко
Туману

ночью

над рекой...

Тихая речка Осётр

Падают звёзды ночами
В тихую речку Осётр.
Звякает в небе ключами
Старенький дремлющий Пётр.

Месяц, как свежая стружка –
Жёлтый смешной завиток...
Что ты, ночная кукушка?
Мой ли подводишь итог?

Вещая глупая птица,
Брось ворожить надо мной!
Нынче душа обновится
В чистой купели ночной.

Лунной дорожкой пройтись бы!
Кажется даже – смогу...
Ели, как тёмные избы,
Спят на другом берегу.

Что ещё надо от жизни,

Если ты слышал в ночи:
Благословеньем отчизне
Звякают с неба ключи.

Поговори со мной, вода...

Поговори со мной, вода –
Простой ручей за перелеском.
Своим журчанием и плеском
Поговори со мной, вода, –
И ненадолго успокой.
Пусть хоть на час, пока ты рядом,
Не будет жизнь казаться адом...
Солги – но всё же успокой.

...А знаешь: в северном краю
(Ты не был там...
и я там не был...)
Живёт она
под бледным небом,
В далёком северном краю.
Скажи мне, тихая вода:
Зачем она, что так любима,
Мной,
как звезда,
недостижима?
Скажи мне, тихая вода...

Все видят, что ты не одна

...Вновь у сердца – с рассудком война,
У желанья – с возможностью склока...
Ты опять, как всегда, не одна –
И опять, как всегда, одинока.

Так, наверное, в небе луна:
Звёзды рядом... а много ли прока?..
Вот и ты, как луна – не одна
И, совсем как она, одинока.

Эта боль никому не видна, –
Не позволишь себе и намёка...
Гордо держишься: мол, не одна!
Кто ж поверит, что ты одинока...

Чья вина?
Да и есть ли она?
Жизнь порой – беспричинно жестока...

Пусть все видят, что ты не одна, –
Я-то знаю, как ты одинока.

Воют звери под луною...

«...Куда ж мы с тобой полетим?»

Н.М. Рубцов

Брось подсчитывать потери:
Знай, что новые близки...

Под луною воют звери
От неведомой тоски;
Задыхаясь, бьются рыбы
В крышку душащего льда...

...Если мы летать могли бы –
Улетели б!..

Но – куда?

Всё кругом одно и то же.
И другого не дано.
Если с виду и не схоже,
То по сути – всё одно.

Воют звери под луною,
«Льётся с клёнов листьев медь»;

Я – с тобой,
И ты – со мною...

Только некуда лететь.

Женское

Ты слышишь плач?

Ах, нет, – ты спишь...

А мне мерещится сквозь ночи:

Кричит ребёнок.

Наш малыш.

Наш неродившийся сыночек.

Страшнее Страшного суда

Предсмертный ужас в крике тонком!..

Он не простит нас никогда, –

Наш неродившийся мальчонка.

Ползут секунды, как часы,

И словно льдом набиты вены...

Какая мука –

плачет сын,

По нашей воле убиенный.

Не такие

Они – «не такие».
Калеки.
И вовсе – уроды.
Диагноз простой:
ДЦП.
Словно клацнул затвор.
И что там хвалёные наши
«права и свободы»,
Когда изначально
пожизненный есть приговор?

Они – «не такие».
Ну да. Им куда как труднее,
Больнее,
страшнее
и просто обиднее жить.
Собою любуясь,
про «жалость» бубним ахинею...
Сподобь нас, Господь,
не брезгливо жалеть,
а любить.

Неоригинальное

Я теперь лишь двоим и верю:
Сам себе –
и, конечно, Богу;
И не всем открываю двери,
Кто пришёл к моему порогу:
Слишком много я дряни слушал,
Слишком долго я верил дряни,
Слишком часто плевали в душу:
Кто – нечаянно,
кто – с желаньем...

Ничего б не хотел отныне, –
Только небо впивать глазами,
Растворяясь в извечной сини,
Исцеляясь в её бальзаме...

Ну зачем ты, Господь, позволил
Нам предательства и обманы?!
Ведь ожоги душевной боли
Пострашнее телесной раны!..

Значит – надо?!
Наверно, надо!
Значит, мир так нарочно создан,
Чтоб сквозь тернии, сквозь преграды
Пролегла дорога к звёздам.
Чтоб от скверны людские души
Отмывались – своей же кровью...

Но откроется тем, кто сдюжил,
Вечный свет,
что зовут Любовью.

Сам виноват

Сам виноват. Не во всём, так во многом,
Сам виноват.

Всё по каким-то окольным дорогам
Шёл наугад;
В небо ночами смотрел до рассвета –
Ждал звездопад;
Выбрал звездой путеводной – комету...
Сам виноват.

Бедный пьеро, заплутавший в тумане,
С музыкой в сердце и ветром в кармане,
–
Так и живу, неприкаян и странен,
Всё невпопад...

Чистые звёзды – когда-то и где-то –
Примут ли в горнее душу поэта?

Скажете, если не сбудется это :
– Сам виноват.

Пустяки

Те,кто пишет стихи,
очень часто подвержены стрессам.
Ведь над нами имеют
неясную тайную власть
И шальная звезда,
что, скатившись, погасла над лесом,
И струна,
что с последним аккордом,
как нерв,порвалась;
И пророческий крик поездов,
проносящихся где-то,
И багряный листок на ветру,
словно маленький стяг...
Без таких пустяков –
невозможны
большие поэты;
Ну, а жизнь без поэзии –
это, по сути, пустяк...

Мой квартет

Я сам себе и льстец, и критик первый,
Я сам себе и Пушкин, и Дантес.
Эх, братцы, как же действует на нервы
Такой стихописательный процесс!

Одни твердят: «Вот это то, что надо!
Какой охват! Какая глубина!»
Другие называют верхоглядом,
Который видит жизнь – лишь из окна...

Льстец голосит:
«Нетленно! Гениально!»
И Пушкин вторит:
«Ай да сукин сын!»
Кривится критик:
«Простенько... Банально...»
Дантес, глумясь, хихикает в усы...

Поверить всем – так ум зайдёт за разум!
Но как понять, кто прав из них,
кто нет?..

Вот ниспослал же мне Господь заразу –
Такой несогласованный квартет!..

С ним чувствую себя... ну, не бараном,
Но точно – Буридановым ослом...

Зато не стану, братцы, графоманом, –
И в этом мне с квартетом повезло!

От жизни надо

Как мало мне от жизни надо! –
Простой еды, простой воды,
Людей не злых, не подлых рядом,
Стихов (Стихов, не ерунды!);
Чтоб не для денег пелись песни,
А для души и от души;
Чтоб ярче, звонче, интересней
Летели дни в моей глуши;
Улыбок искренних, открытых;
Благих и помыслов, и дел;
Чтоб у разбитого корыта
Никто, горя, не сидел;
Весной – ручьёв, зимою – снега;
Чтоб был любим и был влюблён;
Чтоб по ночам плескалась Вега
В моей реке с названьём «Дон»;
Чтоб были женщины – красивые,
Мужчины – рыцарства пример;
Чтоб нам не врал, как мерин сивый,
Ни президент и ни премьер;
Героям – слава и награда,

Ну, а ворью – лесоповал!..

...Однако ж – как мне много надо!..

Ведь только часть зарифмовал...

Про любовь, мечту, разлуку...

Про любовь, мечту, разлуку,
Счастье, радость, боль и муку,
Свет, надежду, грязь и скуку,
Про вершину или дно –
Про любую в жизни штуку
Всё написано давно!

Мастера и подмастерья
Афоризмов и поэм, –
Рассказали ваши перья
Всё, –
на каждую из тем...

Ну, а нынешним поэтам
Остаётся делать что?
Воровать у Блока с Фетом?
Переписывать Барто?
Взять Гомера, взять Бодлера
Да слегка перекроить?
Очень мерзкая манера!
Но – имеет место быть...

Ах, поэты! Вы пишете, –
Каждый день, хоть каждый час;
Будто воздухом, дышите
Тем, что создано до вас;
Божий дар не тратьте даром:
Коль Пегас ваш не бескрыл –
ТАК скажите
(пусть о старом),
Как никто не говорил:
Про любовь, мечту, разлуку,
Счастье, радость, боль и муку,
Свет, надежду, грязь и скуку,
Про вершину или дно, –
Про любую в жизни штуку
Так,
как только ВАМ дано.

Подарки

Что раздарил – то возвратится.
Не деньги, нет, не барахло...
Души разодранной частицы,
Других согревшее тепло, –
Их не теряем, подарив, мы!
А (вдруг?) за свет и боль стихов
Нам ТАМ простят банальность рифмы
И спишут парочку грехов...

Печальница

Как хорошо – не думая,
В небо смотреть весной!..

Муза моя угрюмая –
Будь добрей со мной.
Я не прошу: «Поласковой», –
Только – хотя б не мучь!
Душу мне прополаскивай
Солнышком из-за туч.

Сложная штука, сложная –
Просто на свете жить...
Муза моя тревожная,
Где наш покой, скажи?
Вечно дорога тянется –
Ливни, метели, зной...

Муза моя,
печальница,
Дни-напролёт-молчальница, –
Главное – будь со мной...

О любви

...Уехать к чёрту на кулички,
Где и Макар телят не пас!
Лелеять вредные привычки
Вдали от любопытных глаз:
Ночь напролёт терзать гитару,
Курить, улёгшись на кровать,
Из-под спиртного стеклотару
В ряды вдоль стен формировать,
Не просыпаться спозаранку,
Ходить небритым, «подшофе»,
На сеновалы влечь пейзажку
С бедром, подобным галифе,
И – позволять душе лениться!
И телу то же позволять!
Пускай степная кобылица
По ковылям летит, как птица,
Но мой ковыль – не смеет мять!
Вот это, братцы, дольче вита,
Вот – всем на зависть – се ля ви!..
...Читатель спросит ядовито:
«А что ж ни слова о любви-то?»
Да тут все буквы – о любви!

Ретро-тост

Андрею Носову

Неважно, мы юны иль стары,
С усами для шика иль без:
Гусары – до смерти гусары,
Любимцы капризных небес.

Уйдя от родного порога,
Полжизни проводим в седле...
Что жизнь для гусара? – дорога
По русской священной земле.

Дорога – от брани до брани,
И мчимся по ней мы не зря!
Гордится гусар, если ранен
За веру, Россию, царя.

А если убит... ну так что же :
Он славно закончил свой путь!
И ангел герою положит
Крыло на пробитую грудь...

Но раной, бывает, иною
Фортуна гусару грозит:
Эрот беспощадной стрелою
Возьмёт, да и сердце пронзит;

Герой Бородинской батальи,
Бретёр, дуэлянт, Аполлон! –
Какой-нибудь юной Наталье
Покорно сдаётся в полон!..

Она – как нездешняя птица,
Сошедшая в мир с высоты,
Она – и богиня, и жрица
Пленяющей нас красоты;

Хрупка и нежна, как фиалка,
Лучист и загадочен взор...
Ах, братцы, ей-Богу, не жалко
Взойти за любовь на костёр!

Давайте же, братья-гусары,
Забыв про клинки и гитары,
За наших возлюбленных чары

Поднимем бокалы вина
И выпьем за счастье любимых –
Единственных, неповторимых,
И нами, и Богом хранимых!
Вставайте и пейте до дна!!!

Сетевое невесёлое

Я знаю: не изменят ни-че-го
Ни крик, ни шёпот слова моего.
Стихов моих печаль, и боль, и свет, —
Вас будто вовсе не было
и нет.

Но я — пишу...
Зачем — не знаю сам.
И лгу себе:
«Не людям —
небесам...»

А небеса, как водится, молчат.
И ангелы, увы, не ходят в чат.

Обычное дело...

...Поэта хоронили впятером:
Четыре друга, младшая сестрица...
Рабочие столкнули в яму лом, –
Достали,
не забыв поматериться...

Вот наконец-то кончен скорбный труд –
Укрыт землёй простецкий гроб
в могиле.

Поэта нет.

...Стихи?

О да, – живут!!!
Средь этих пятерых, что хоронили...

На распутье (антисказка)

Перекрёсток,
развилка дорог...

Он стоит здесь веками, –
Вросший в землю,
замшелый осколок седой старины,
Кем-то вещим поставленный
в годы забытые –
камень.

И на нём архаичные буквы
доселе видны:

«Как налево пойдёшь –
так богатому быть.
Как направо пойдёшь –
так женатому быть.
А как прямо пойдёшь –
так убитому быть»...

Выбирай, добрый молодец,
как тебе быть!

Одиссея (мизантропическая антисказка)

...Хотите правды? Что ж...

Итак:

Злосчастный одиссей

Минует множество итак –

И не найдёт своей.

И будет плыть невесть куда,

И выбьется из сил,

И сгинет, канет без следа

Среди харибд и сцилл...

А пенелопа, в свой черёд,

Рассудит: жизнь идёт вперёд! –

И примет женихов...

А нам потом гомер наврёт

С три короба стихов.

Слегка гротескно

Мне трамваем отрезало ногу
(Был я пьяный тем пакостным днём).
И теперь по ночам на дорогу
Мне уже не ходить с кистенём.

В лакированных модных ботинках,
Что парижскому франту под стать,
Мне теперь не плясать на поминках –
И нигде вообще не плясать.

Ковыляю себе на протезе,
Привыкает рука к костылю.
О проклятом трамвайном железе
Вспоминая, зубами скриплю.

– Так подайте, подайте, граждáне!
Вишь, берет с камуфляжем на мне?
Потерял я конечность в Афгане!
(Или выгодней врать, что в Чечне?)

О дегенератах
(почти шуточное)

В потёртых джинсах, драной куртке
Брожу по городу, поддатый.
Меня своим считают урки
И прочие дегенераты.

Могу на танк с ножом (по пьянке),
Любому дам уроки мата!
Меня за это ценят панки
И прочие дегенераты.

Всех веселю, когда я в духе,
Швыряю деньги без оглядки;
Меня за это любят шлюхи
И прочие дегенератки.

Когда их всех мне станет мало,
Включаю телек: там дебаты!
«Дом-два»! «Аншлаги»! Сериалы! –
И прочие дегенераты.

«Покончим с бедностью в России!» –
Кричат с экрана «демократы».
Им свято верит бомж Василий
И прочие дегенераты.

А мне плевать на эти бредни,
Я улетаю завтра в Штаты:
Рокфеллер умер!
Я – наследник!!!
...Чего «хи-хи», ... ?

Ну, а всерьёз – пишу стихи я.
Стихи – мой мир, моя стихия,
Мои вожди,
мои солдаты...
Кто говорит о них: «Плохие», –
Вот те и есть дегенераты.

О люмпенах

Сидели «люмпен-пролетарии».
Играть пытались на гитаре и
Вели словесные баталии,
Пия напиток самогон;
И «пролетарка» худоногая,
В вопросах этики не строгая,
Не наливать просила много ей,
Сморкаясь шумно на газон.

И выдавали «пролетарии»
О всех прохожих комментарии, –
И был похож на гениталии,
По их словам, любой вполне!
Нёс ветер запахи сивушные
И овевал мурла синюшные,
И матюки привычно-скушные
Плевками висли на спине.

Картина, в общем-то, привычная,
Для «демократии» типичная;
Провинциальная, столичная –

Не различаются ничем...
Ах, вас бы, «люмпен-пролетарии»,
Держать бы где-то в серпентарии!
Но, впрочем, там – живые твари, и
Я не желаю им проблем...

Незаконченное. Без выводов.

Играют мальчишки
в свои разудалые игры...
Какая скамейка? – корвет!
Или даже фрегат!
Не чахлый кустарник – а джунгли!
Там кобры и тигры!

...А взрослая жизнь –
непонятный и злой суррогат...

Играют мальчишки.
По шесть им всего.
Одногодки.
А лет через двадцать
(Не знать бы,
Забыть бы! –
Но как?..)
Вон тот, угловатый,
загнётся в подъезде от водки,
А тот, балагур,
человека убьёт за пятак;

А тот, кучерявый,
закончит в Крыму мореходку
И сгинет в Атлантике
(возле Бермуд, говорят)...

...Смотрю и смотрю
на давно пожелтевшую фотку,
Где четверо нас –
чистоглазых, смешных пацанят...

Шкипер

(Из цикла «Точные четырёхсложники»)

Молчаливый, полупьяный,
Неприкаянный и странный,
Появился у отеля
На балтийском берегу, –
И взволнованные дети
На нагретом парапете
Зачарованно смотрели
На бородку и серьгу.
Зачарованно смотрели –
И хотели, но не смели
Прикоснуться к мускулистой,
Прозагаренной руке...

Разноцветные туманы,
Экзотические страны
Вырисовывались мгlisto
Над следами на песке.

Сестра печали

Нас небеса не обвенчали:
Они ошиблись – или я?
Тебя зову сестрой печали,
Любовь напрасная моя.

Ты помнишь:
Мы с тобой молчали;
Часы безжалостно стучали;
Край неба тлел едва-едва...

Моя любовь,
Сестра печали!
Как безразлично прозвучали
Твои прощальные слова...

Но каждый день, покуда длится
Моё нескладное житьё,
Я повторяю:
– Да святится,
Во веки вечные святится
Пусть имя нежное твоё.

Улетай...

Улетаешь?
Улетай...
Не держу,
не принуждаю...
Выбирай любую стаю –
Вон их сколько, этих стай!..

Вечно – бью судьбе челом,
А она в ответ – по почке...
Помаши мне,
одиночке,
На прощание крылом.

Я всегда чурался стай,
Ты – прожить без них не можешь;
Мы старались...
Жаль, но всё же...

Бог с тобою.
Улетай.

Такое дело...

...А любовь нам казалась – вечной!
Ну, как минимум – в жизнь длиной!

...Прогремела, как поезд встречный –
И растаяла за спиной...

Успокоилось. Отболело.
Начало порастать быльём...

Всё проходит. Такое дело...
Мы и сами с тобой... пройдем...

Лабиринт минотавров

Как-то всё пошло нескладно,
Как-то вкось да поперёк...
Нить вручила Ариадна –
Потерял, не уберёг...
И хохочет над скитальцем
Минотаврья мелюзга,
И показывает пальцем,
И вовсю вострит рога...

Рано радуетесь, гады!
Зря смакуете беду!
И без нити Ариадны
Чёрта с два я пропаду!
Лабиринт, конечно, прочен
(Крепко строили тогда!) –
Только это, между прочим,
С постным маслом ерунда!
Посмотрите, как из плена
В мир неласковый, но свой
Ухожу, ломая стены
Минотаврьей головой.

Кружение чаек
и лунный прыжок антилопы,
Ночной мегаполис,
одетый в рекламное пламя,
И рыцарский замок
среди современной Европы;
Легко привыкал
к языку и чужому закону,
В приятелях были
кубинец, француз и литовец...

...Но сердце моё,
как кораблик,
приписано к Дону.
Он так же, как я,
по рождению – новомосковец.

Этот город был ветром

Этот город был раньше ветром.
Просто ветер – окаменел...
Но в старинных домах,
 монументах, мостах, соборах –
Бьётся память о том, как летел,
бесшабашно смел!..
Дул вовсю в паруса,
волны пас на морских просторах,
И трепал по-приятельски в рощах
 листву берёз,
И стрижей быстрокрылых
 стремглав обгонял, куражась...

...Ветер городом стал.
Ветер каменно в землю врос.
И его никогда
 в небеса не отпустит тяжесть.

Стало б легче, наверное,
если бы он забыл...
Только каждую ночь

в безрассудной, слепой надежде
Он расправить пытается,
чтобы лететь, как прежде,
Разводные мосты
неуклюжим подбьем крыл.

Внезапно, сладко, больно...

...Внезапно –

сладко,

больно,

остро –

Воспоминанья полоснут:

Царицын остров,

Ольгин остров,

Прозрачный пруд;

Кронштадтский храм на сине-алом,

Два музыканта на Сенной,

Горбатый мостик над каналом –

Почти родной;

Стихи на Невском и Австрийской,

Блок, Монферран и Фальконе...

Всё далеко.

И всё так близко:

Со мной.

Во мне.

Шепчу, как мантру, монотонно:

«Аптека... улица... фонарь...»

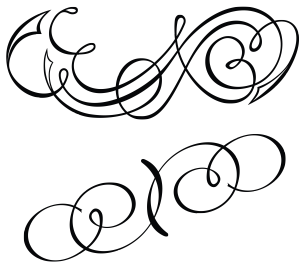
...У нас в глуши – привычно-сонно...

Сон бесконечен.

Глушь бездонна.

Тоска.

Январь.

«Да, представьте, возвратился!
Ну конечно, рад! Привет!» –
Я беседую с фонтанами без слов.
Золотыми куполами,
словно в сказке детских лет,
Мне как будто бы кивает Петергоф.

Здесь у каждого фонтана
свой характер, свой мотив.
Здесь любой – невольно –
чутьочку философ.

Здесь качает белых чаек
на волне своей залив –
Хоть и Финский,
но расейский, без вопросов!
«Да, конечно, возвратился!
Ну конечно, рад! Привет!
...Что? Уеду...
Но вернусь, коль жив-здоров!..»
...Золотыми куполами,
словно в сказке детских лет,
Мне как будто бы кивает Петергоф.

Органисту Владимиру Хомякову

В клавишах спрятан звук, –
Как в кобуре – наган.
Прикосновеньем рук
Я разбужу орган.
Звуки рванутся в зал,
Всё затопляя здесь –
Словно девятый вал,
Словно Благая Весть.

«Клавиш органных маг» –
Я бы назваться мог!
Но лишь маэстро Бах
Клавиш органных – бог.
Пусть совпадение в том, –
Вслушайтесь, как орган
Дышит, звучит в самом
Имени – «Иоганн»!

Выше любых вершин,
Чище, чем горный лёд,
Этот полёт души –

Фуг и токкат полёт.

В небо кричит орган,
Визги эстрад глуша.
Он для того и дан,
Чтоб не спала душа.
Иже на небеси!
Гаммой в Твоих руках
Жизнь – между «до» и «си»;
Всё остальное – прах.

Жизнь – это нотный стан.
И органист – пророк.

К слушающим орган
Тихо
нисходит
Бог.

Мы – десант

В голубых небесах
расцвели купола парашютов.
Опускаемся вниз –
как на личных своих облаках...
Мы – десант.
Это трудно.
Но это почётно и круто, –
Уж покруче,
чем ваши «тусовки»
в ночных кабаках.

Нас никто
никогда
не посмеет назвать слабаками.
Мы сильнее, чем страх.
Мы умеем шагать в пустоту.
Мы – десант!
Это значит –
мы трогаем небо руками!
Так не многим везёт –
ощутить под рукою мечту.

Мы – десант.
Нам от жизни не очень-то много и надо:
Чтобы купол раскрылся,
и чтоб не подвёл автомат.
А погибнет десантник –
ни рая ему и ни ада:
Штаб небесный
в отдельные списки заносит десант.

Млечный Путь по ночам
высветляется лентой неровной –
Словно купольный шёлк
парашютов далёких плывёт...
Это души погибших десантников
Самый Верховный
Отпускает
в свободный,
заслуженный,
вечный полёт.

Кредо

Мне говорят: «Тактичной будь,
Дипломатичней хоть чуть-чуть!
Глупца глупцом не называй –
Врагов себе не наживай!

А ты... Да разве ж можно так?
Мы знаем все, что С. – дурак,
Его стихи – обычный бред;
Но так в лицо сказать? Ну, нет...

А ты зачем-то ляпнул С. –
Мол, им бы брезговал Дантес...
Ведь С. такой: он не простит,
Он непременно отомстит!

Ты, братец, думай наперёд!
Ведь как в пословице? Сосёт
Двух мамок ласковый телок.
Телок – а варит котелок!

Любезен будь – и с тем, и с тем;

Хвали их всех: за выбор тем,
За самобытность, свежий взгляд...
Да, чёрт возьми, за всё подряд!

Хвали! И будешь сам хвалим.
...Зачем же сразу – «подхалим»?
Не подхалим, а дипломат!»

...Мне говорят,
Мне говорят...

Но я таков, каков я есть.
Меня коробят ложь и лесть.
И мне святое слово «честь»
Дороже, чем уменье «влезть».

Пускай бубнят, как глухари:
«Дипломатичней будь, смотри!..»
Кто белым чёрное зовёт,
Как ни крути –
всего лишь врёт.

Всё ближе и ближе...

Газету,
как чайку,
несёт над заливом:
Летают порою и те, кто бескрыл.
Когда-то, наверное, был я счастливым;
Вот только когда, почему – позабыл...
А если не помню –
так, значит, и не был.
Что тешить,
что мучить себя миражом?..

...Висит надо мной равнодушное небо
Застрявшим в пазах
гильотинным ножом.

Всё ближе и ближе последняя пристань.
Всё чаще прошедшее кажется сном.
Зачем же ты, жизнь,
промелькнула так быстро,
Как вишневый сад
за вагонным окном...

Ну что ж – доживём
и допишем до точки.
А свыше рассудят: зачёт, незачёт...

Всё ближе и ближе
последние строчки,
Которых, наверно, никто не прочтёт.

...И снова был закат...

«А функция заката такова:

Печалю нас, возвыситъ наши души...»

Ю.Визбор, А.Медведевко.

...И снова был закат.

Он, стёкла вымыв красным,

Тускнел и умирал

раздавленным цветком,

И выглядел больным,

печальным,

неопасным, —

Как проржавевший меч

со сломанным клинком.

А ранняя звезда

на стыке дня и ночи

Томила и звала,

как недоступный плод;

И стала жизнь чуть-чуть —

лишь на закат —

короче,

А завтра...

Завтра здесь
ещё закат умрёт...

Но череда смертей,
как ни парадоксально,
Лишь вдохновляет жить
и возвышает нас!

Спасибо,
жизнь,
что ты
порой – вот так печальна,
Чиста и высока
в закатный тихий час...

Оглавление

<i>От автора</i>	3
Картина мира	4
Где-то там остались автострады	5
Не пишется	6
Мой домовой	8
Утихает тёплый ветер	10
Скучать погода не даёт	12
Серебряное поле	14
Названия нет	15
В аллее парка сумрачно и сыро	16
Между землёй и небом	18
Да нет, всё нормально	20
Далеко-далеко	21
Из круга фонарного света	22
Звезда	23
Свет мой	24
Рудники	26
Маковое поле	27
Аллегорическое	28
Никого стихи не учат	30
Душа грустит о небесах	32
Искушение	33

Как же бьют нас нещадно	34
Цитатное	36
Иваново, Калуга, Саратов, Тула, Тверь .	38
Маленький город	40
Закатали мой мир	41
Городской сумасшедший	42
Вы говорите	44
Стразы	46
Увижу?	47
Не знаю	50
Почти	52
Под пледом у камина	54
Почему-то в последнее время	56
Просто	58
То ли в памяти где-то	60
Жёлтый лист	62
Блажь	63
Элегия tutti quanti	64
Снова навалились холода	66
Будет весна!	67
Март. Просто зарисовка	69
С вершины семнадцатилетья	70
Улыбаюсь	71

Поздняя колыбельная	72
Отрешась от житейской прозы	74
Сумасшедшим серым зверем...	75
Вот и дождь	76
По течению	78
Ночь над Доном	80
По-над Окой, над спящим плёсом	81
Тихая речка Осётр	82
Поговори со мной, вода	84
Все видят, что ты не одна	85
Воют звери под луною	86
Женское	88
Не такие	89
Неоригинальное	90
Сам виноват	92
Пустяки	93
Мой квартет	94
От жизни надо	96
Про любовь, мечту, разлуку	98
Подарки	100
Печальница	101
О любви	102
Ретро-тост	103

Топчий Александр Васильевич

«Функция заката»

Стихотворения

В авторской редакции

*Фото на обложке – свободный доступ в
интернете*

Подписано в печать

Гарнитура Calibri

Усл. печ. л. 5.2

Заказ №42

Тираж договорной

Отпечатано в типографии "Альтернатива"

Тульская обл., г. Новомосковск,

ул.Коммунистическая, 23